

1
Государственная
ордена Ленина
Библиотека
СССР

В И М О

МУРЗИЛКА

№4

Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов

АПРЕЛЬ
1954

Сегодня мы от книги
Не отрываем глаз:
Любимый и великий
Глядит Ильич на нас.

Под солнцем снег весенний
Стекает в три ручья.
Сегодня день рожденья
Родного Ильича.

ВЕЛИКОЕ ЗАРЕВО

— Стой! Кто идёт? Куда?

— В Смольный... Рабочие с Путиловского завода.

— В Смольный... Матросы с „Авроры“.

— Солдаты-пулемётчики.

— Проходите, товарищи!

На перекрёстках тёмных улиц стояли дозоры, охраняя подступы к боевому штабу революции.

На площади перед Смольным горели костры; прибывавшим отрядам раздавалось оружие; подъезжали грузовые машины; на их крыльях, выставив вперёд винтовки, лежали матросы.

— Командиры отрядов, ко мне! — закричал человек в кавалерийской шинели.

К нему сбежались командиры, и он повёл их в Смольный. По длинным коридорам двумя потоками — к штабу и от штаба — двигались вооружённые люди, спешили связные с приказами и донесениями.

Командиры вошли в большую комнату. У стола, на котором лежала карта города, стояли Ленин и Сталин.

Ленин, указывая по карте, говорил:

— Распределить силы и занять все важные пункты... вокзалы, почту, телеграф...

Командиры стояли не шевелясь, боясь пропустить хотя бы одно ленинское слово.

— Арестовать Временное правительство, — продолжал Ленин. — Арестовать, не теряя ни одной минуты! Погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центру города!

Здесь же, в другом конце комнаты, матрос-телефонист, припав к трубке полевого телефона, передавал приказы штаба:

— Первому батальону занять указанную позицию и ждать сигнала! Кронштадт! Ты меня слышишь, Кронштадт?..

Командирам первых пролетарских отрядов выдали мандаты с подписью Ленина и Сталина.

Ленин говорит матросу с „Авроры“:

— Надо окружить Александрино, занять Петропавловку во что бы то ни стало.

— Есть! — коротко ответил матрос и поспешил к выходу.

(С картины художника С. Дудника)

ЗАЛП „АВРОРЫ“

Товарищ Сталин объяснил боевое задание другим командирам.

— Вы, товарищи, захватите мосты у Зимнего, захватите и удержите их.

— Захватить и удержать! — повторили приказ командиры и быстро направились к своим отрядам — выполнять задания штаба революции.

— А вы, товарищ, берите отряд и идите на телефонную станцию... Обязательно займите её, — добавил Владимир Ильич. — Действуйте решительней.

— Буду действовать решительно! — от всей души вырвалось у молодого рабочего, командира Красной гвардии.

Один за другим получали задание и уходили командиры, а тем, кому предстояла особенно трудная боевая работа, Ленин говорил:

— Помните, товарищи: решается судьба революции.

И Сталин провожал их мужественными словами:

— Носите с достоинством звание командиров революции.

Уходили с площади в темноту отряды. Стараясь ничем

не нарушить чуткой тишины, они окружали Зимний дворец, ждали сигнала к решающему штурму.

И вот, потрясая неожиданностью и могучей силой, грянул залп.

Багровый отблеск озарил улицы, воды Невы и стальной крейсер, открывший смертельный огонь по старому миру. Стреляла „Аврора“, возвещая громом своих пушек начало восстания и новой эры — эры Великой Октябрьской социалистической революции.

Начался штурм Зимнего дворца.

Неудержимой лавиной устремились бойцы революции на приступ, и никакая сила теперь не могла их остановить.

Рабочие, солдаты и матросы с боем ворвались в Зимний дворец.

Огненное зарево полыхало над Петроградом.

В Смольном у окна стояли Ленин и Сталин.

— Какое зарево... — тихо сказал Ленин.

— Это великое зарево, — так же тихо произнёс Сталин: — оно озарит весь мир.

БОГАТЫРЬ-ЗЕМЛЕКОП

Недавно ездил я в Сталинград посмотреть, как строят там Волго-Донской судоходный канал. Канал начинается на самой южной окраине города, у Сарпинского затона на Волге, и уходит в степь, к западу, на сто один километр. Кончается он у города Калач на Дону.

На всём пространстве между Волгой и Доном кипела работа. Многие сотни землеройных машин — экскаваторов — большими ковшами черпали землю, отваливали её в сторону, насыпали высоким валом вдоль канала. Сотни грузовиков вывозили землю из глубоких котлованов, где должны быть плотины и шлюзы. Канал протянулся по степи, как глубокий и широкий овраг.

Весной 1952 года в него накачают насосами воду из Дона, и тогда канал станет многоводной рекой. По каналу пойдут морские и речные пароходы и теплоходы, повезут пассажиров и разные грузы. Соединятся две великие русские реки — Волга и Дон.

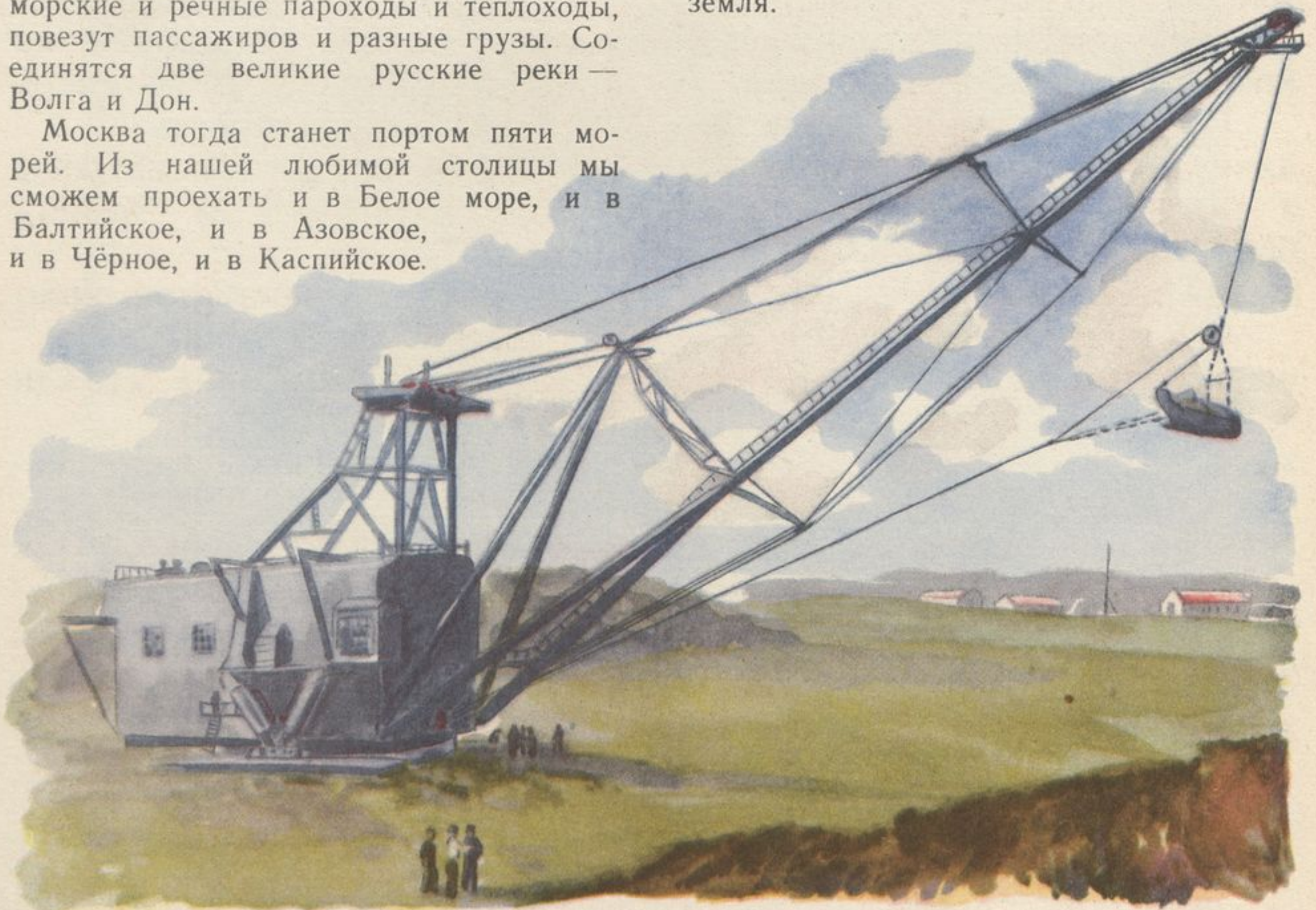
Москва тогда станет портом пяти морей. Из нашей любимой столицы мы сможем проехать и в Белое море, и в Балтийское, и в Азовское, и в Чёрное, и в Каспийское.

С моим спутником, инженером, я проехал вдоль всего канала. По ночам везде горели огни... Людей было немного. Работали мощные машины.

И тут, на работах в степи, я увидел машину совершенно чудесную. Называется эта машина шагающим экскаватором. Сначала мы увидели наклонную мачту, которая поднималась высоко из-за бугра. Вдоль мачты протянулся целый пучок тонких тросов. Она напомнила мне удилице с леской. Будто невидимый рыбак сидел за бугром и громадной удочкой ловил рыбу величиной с кита.

— Это стрела экскаватора, — показал мой спутник на мачту с тросами.

На наших глазах к верхнему концу стрелы подтянулась на тросах огромная коробка, стрела повернулась, коробка раскрылась, и из неё тучей посыпалась земля.

Мы подъехали ближе и увидели очень большую яму. По дну ямы ходили люди, что-то измеряли рулеткой. У одного склона ямы стояла громадная машина. Она была похожа на дом с окнами, балконами и лестницами. Из верхней её части наклонно поднималась та стрела с коробкой, которую мы видели из-за бугра. Вблизи коробка оказалась ковшом с острым краем. По краю виднелись выступы — зубы. Вместе со стрелой экскаватор был высотой с девятиэтажный дом.

Вот ковш упал на землю, тросы поволокли его. Ковш пополз, вгрызаясь в землю глубже и глубже. Другие тросы потянули его вверх. Ковш быстро поднялся к вершине стрелы. Тут вся громадная машина повернулась в сторону, ковш оказался высоко над бугром, из него опять полетела туча земли.

Я остановился, поражённый невиданным зрелищем. Экскаватор поворачивался быстро. Ковш стремительно падал, вгрызался в землю и так же стремительно поднимался к концу стрелы; экскаватор поворачивался, земля из ковша высыпалась. Точно усердный, неутомимый землекоп копал гигантскую яму.

Я вынул часы. Оказалось, весь свой путь от ямы до бугра и обратно ковш проделывает за 55 секунд, захватывает сразу 14 кубометров грунта — целый товарный вагон!

— Шагающий экскаватор заменяет семь тысяч землекопов, — сказал мой спутник.

— Кто же управляет этой волшебной машиной?

— А вон видите маленький балкон на правом углу? Там сидит человек, нажимает кнопки, передвигает рычажки... Четыре других человека находятся в самой машине, следят за моторами, — продолжал мой спутник, — в машине сорок моторов. Она построена на уральском заводе Уралмаш.

...Яма, куда падал ковш, делалась всё больше. Вот ковш уже перестал доставать до краёв ямы. Раздались звонки. Пустой ковш повис неподвижно у конца стрелы. Мой спутник, взяв меня за руку, сказал взволнованно:

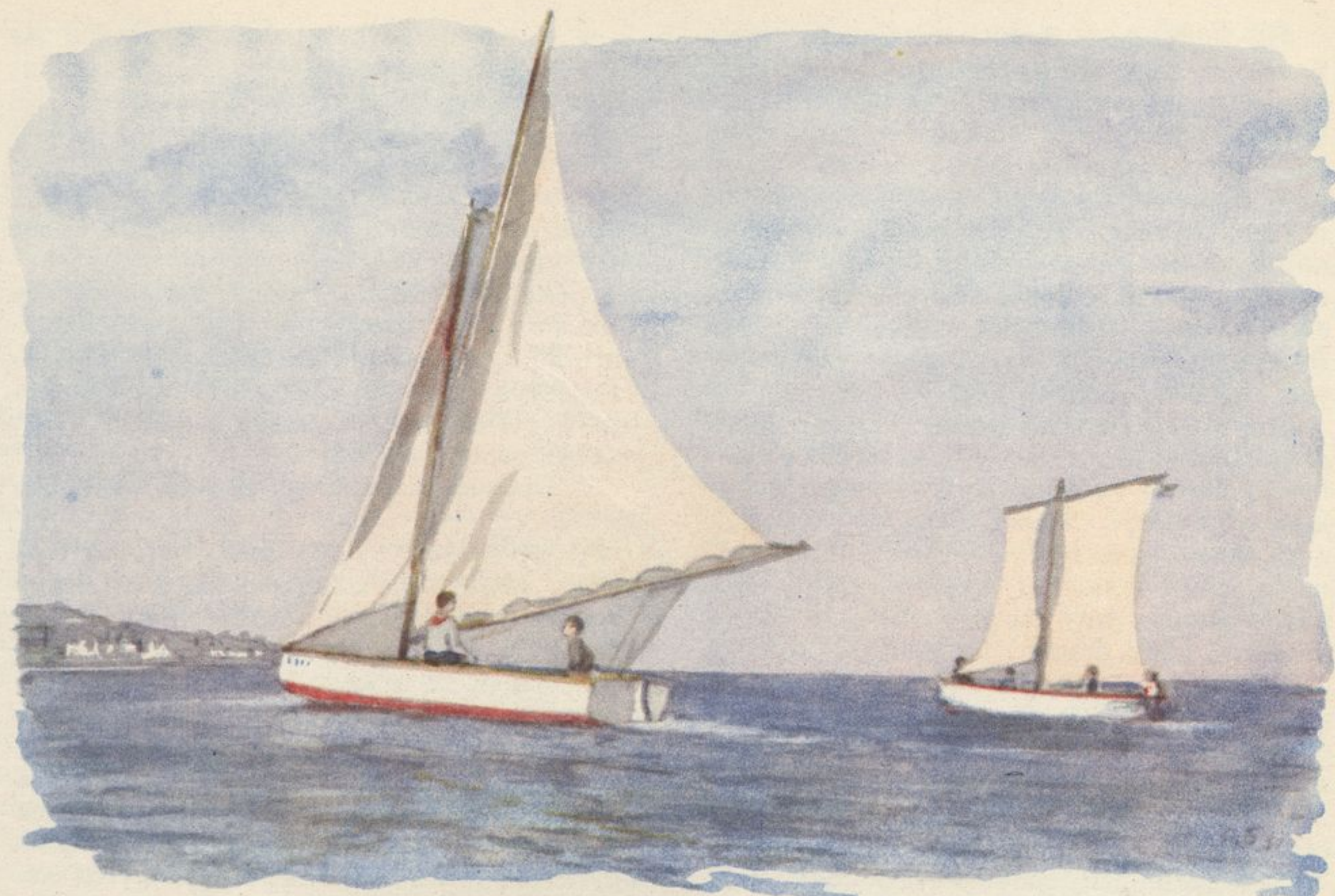
— Сейчас экскаватор шагнёт на новое место!

На правом и левом боку экскаватора, внизу, виднелись длинные металлические доски с подъёмными механизмами. Доски продвинулись вперёд вдоль стен экскаватора, легли на землю. Это и были «ноги» экскаватора. Вся машина заколыхалась, приподнялась. Её круглое основание поднялось с земли, и машина продвинулась вперёд на три метра. Так передвигаются по полу не умеющие ходить дети. Обопрутятся руками о пол, приподнимутся немного и перетаскивают себя на новое место.

Через пять минут ковш снова заработал. Холм на берегу ямы всё увеличивался...

Я долго-долго смотрел на работу чудесной машины, построенной советскими рабочими и инженерами. Вот такие замечательные помощники человека будут работать теперь на великих сталинских стройках.

С. ЖЕМАЙТИС

Рис. С. БОЙМА

ТЁПЛОЕ ТЕЧЕНИЕ

Клёв кончился. Митя Чуприн и Коля Луков выкупались и, растянувшись на носу «Чайки», смотрели по очереди в «морской телескоп», опущенный за борт. В деревянную трубу, застеклённую с нижнего конца простым оконным стеклом, видна удивительная жизнь моря.

В синеватой толще воды, словно фонари, висят красные и голубые медузы. Как пригоршни брошенных в воду серебряных монеток, поблёскивают стайки мальков.

Ещё чудесней дно. Мальчикам кажется, что они наблюдают за жизнью другой планеты. Видна гряда камней, похожая на горный хребет, заросший зелёными и бурными лесами водорослей. Там притаились чёрные ежи и коричневые трепанги. На камне, освещённом солнцем, спит серый бычок. Видно, как он во сне шевелит губами. На полянке, усыпанной золотым песком, алеют морские звёзды.

— Раки! — шепчет Коля.

На золотую полянку выбежали два рака-отшельника, волоча домики-раковины, и стали рвать наживу на одном из крючков.

— Съедят наживу, — сказал Коля и сделал движение, чтобы вытащить леску.

— Пускай едят на здоровье, — остановил Митя, — всё равно путная рыба не клюёт. Надо на глубину перебираться.

— Гляди, окуни появились. Шесть штук!

— Они теперь сытые. Видишь, курс держат на «Ослиные уши», — разочарованно сказал Митя.

Коля приподнялся на локтях и посмотрел в сторону, где в нежной дымке виднелись очертания скал, похожих на уши осла, спрятавшего голову под воду.

Бухту пересекал катер с длинной цепочкой кунгасов на буксире. Невдалеке про-

неслись два длинношеих баклана и плюхнулись возле какого-то блестящего предмета, плавающего в воде.

— Справа по борту что-то плывёт! — крикнул Коля.

Мальчики подняли парус, и лёгкая яхта, слегка покачиваясь, пошла к «Ослиным ушам».

* * *

Коля стоял на носу. Но как он ни вглядывался, не мог ничего рассмотреть на воде. Блестящий предмет закрывали бакланы. Вдруг бакланы перекувыркнулись и исчезли под водой.

— Бутылка прямо по носу. Засмолённая! — крикнул Коля.

— Шутишь? — отозвался Митя.

Коля ловко выхватил бутылку. Она была из толстого синего стекла, с пробкой, обвязанной проволокой и залитой смолой.

Коля обтёр рукой слизь, покрывавшую стекло, и посмотрел сквозь бутылку на солнце. Митя, не спускавший глаз с Коли, увидел, как побледнели щёки друга.

— Что там?

Коля молча передал бутылку.

— Вот это — да! — только и смог сказать Митя.

— Я думаю, надо вызвать «Бурю», — сказал немного погодя Коля.

Митя нагнулся, открыл маленький люк и вытащил пару сигнальных флажков.

На «Буре», небольшой четырёхвёсельной шлюпке, рыбачили остальные ребята

из пионерского звена Мити Чуприна. Здесь улов был удачней: в сетчатом мешке за бортом бултыхалось штук пятнадцать скумбрий и три камбалы, а в стеклянной банке плавала зубастая рыба-собака.

Петя Гринько заметил сигналы с «Чайки» и громко прочитал семафор:

— Явиться на флагманский корабль!

— Всем наверх, с якоря сниматься! — скомандовал капитан «Бури» Женя Иванов и первый стал наматывать леску.

Гребцы сели за вёсла, и «Буря» помчалась к белевшей невдалеке «Чайке».

Шлюпка подошла к борту «Чайки».

Увидев бутылку, гребцы вскочили, но тотчас же снова молча уселись на скамейки, сильно накренив шлюпку. В звене было не принято проявлять нетерпение.

— Женя, дай-ка твой ножик со штопором, — сказал Митя.

Взяв нож, он раскупорил бутылку и вытряхнул из неё в руки Коли свёрнутую в трубочку бумажку.

— Читай, — приказал Митя.

Коля развернул листок.

— Тут какие-то цифры. Потом написано: «Нашедшего просим доставить по адресу: улица Портовая...» А номер дома размок. Наверное, кто-то потерпел крушение.

— Чего же мы стоим? Пошли на выручку! — крикнул Петя Гринько и взялся было за весло.

Митя поднял руку.

— Тише, не горячись! Надо сначала выполнить волю потерпевших крушение.

Может, за ними надо корабль послать.

На «Чайке» и «Буре» поставили паруса, и «корабли» пошли к берегу.

* * *

— Здесь! — сказал Женя, останавливаясь против большого кирпичного дома.

Митя, решительно мотнув головой в сторону подъезда, пошёл через дорогу. За ним направился Коля, осторожно неся бутылку, обёрнутую в кусок парусины.

— Насчёт находки обратитесь в комнату тридцать шесть, к капитану Новикову, — сказал швейцар, выслушав Митю.

Когда ребята вошли в кабинет капитана, он встал и улыбнулся.

— Здравствуйте, — сказал Митя. А Коля только поклонился и стал разворачивать парусину.

Капитан осмотрел бутылку, заглянул внутрь и снова улыбнулся.

— Только и всего?

Митя протянул бумажку.

— Вот это другое дело, — сказал капи-

тан и стал внимательно её рассматривать, потом наклонился к столу и долго перелистывал страницы какой-то книги. Закрыв её, он подошёл к стене, где висела большая морская карта.

— Смотрите: здесь была брошена эта бутылка. А вместе с ней ещё пятнадцать штук. До берега пока добралась только ваша.

— А как же корабль? — перебил его Коля. — Почему ему не окажут помощь?

Капитан стал объяснять:

— Это гидрографическое судно, оно изучает жизнь моря. Видите эти линии на карте, они обозначают тёплые и холодные течения. Знать течения очень важно. Они — как реки посреди морей и океанов. Несут к нам тепло или холод. В их струях приходят к нашим берегам рыбы из тёплых морей. Моряки используют течения, чтобы увеличить скорость кораблей. Бутылки, брошенные с корабля, помогают нам определить направление этих течений.

Капитан взял синий карандаш и подвёл одну из линий на карте к самому берегу.

— А мы и не знали, что так далеко заходит это ответвление, — сказал он.

— Тёплое или холодное? — спросил Коля.

— Тёплое.

— Теперь понятно, почему столько скумбрий поймали ребята на «Буре». Она стояла как раз на пути бутылки.

Капитан вдруг стал серьёзен. Он положил руку на плечо Коле и сказал:

— Много моряков и учёных составляло эту карту. И я очень рад, что к ним можно прибавить и вас, двух пионеров.

— Как двух? — возразил Митя. — Нас целое звено!

Капитан посмотрел в открытое окно.

— Постойте! А это не ваше звено всю дорогу заняло?

— Тут и наше звено. Видите, у фонаря стоят пионеры с вёслами, а остальные ребята с нашей улицы. Они тоже волнуются насчёт корабля.

— А ты скажи им, что всё в порядке.

Митя перегнулся через подоконник и крикнул:

— Ребята! Всё в порядке. Корабль идёт своим курсом. Наше звено открыло тёплое течение!

СЫН КОРЕИ

1

В далёкой Корее
Жил мальчик —
Иль Эй.
И не было в мире
Мальчишки бедней.

И в солнечный день
И зимой ледяной
Ходил он
В рубахе своей холстяной.

Из веток отец его
Выстроил дом
В горах,
По соседству
С орлиным гнездом.

Когда по ночам
Гулкий ветер крепчал,
Он, сосны качая,
Иль Эя качал.

Лил дождик, —
Он влагой леса пропитал,
Чтоб вместе с дубками
Иль Эй подрастал.

Всегда говорлива,
Всегда весела,
Подругой Иль Эя
Сестрёнка была.

Товарищей нету —
Не надо тужить:
Ведь можно и с Цу Дзой
Неплохо дружить.

И с Цу Дзою можно
В пятнашки играть,
И дом убирать,
И грибы собирать.

Четыре недели
С грозой пополам

Шёл сливовый дождь
По горам, по долам.

Он корни гнилые
Потоками смыл.
Побеги зелёные
Он укрепил.

И после дождя
Стали реки сильнее,
Трава зеленее
И небо синей.

О сливовый дождик,
Прошёл ты в трудах!
И сливы созрели
В корейских садах.

И каждый мальчишка,
Впервые в году,
Трясёт свою сливу
В отцовском саду.

Пусть нет у Иль Эя
Ни сада, ни слив,
Лишь кедр красноствольный
Стоит молчалив.

Но горные сливы
Вблизи и вдали
Гостинец тебе,
Хваденмин¹, припасли!

Пусть мельче они,
Пусть немного кислей,
Но Цу Дза на брата
Глядит веселей.

Две сливы уже
У неё за щекой.
Угонишься ты
За сестрёнкой такой?

Вдруг хрустнула ветка,
Качнулся лозник,
Иль Эй оглянулся
И замер на миг:

¹ Хваденмины (люди огненных полей) — самая бедная и бесправная часть населения Кореи. Хваденмины — это разорившиеся крестьяне и выгнанные с фабрик рабочие. Они жили в горах и, выжигая на лесных полянах кустарник, сажали сладкий картофель — батат. Японцы жестоко преследовали хваденминов. С приходом народной власти хваденмины получили плодородную землю в долинах и работу в городах.

Высокий,
Осанистый,
В каске стальной,
В широком
Зелёном плаще за спиной,
Стоял богатырь
Со звездой огневой,
И плащ его мокрый
Сливался с листвою.

Как дикий волчонок,
Иль Эй отступил
И Цу Дзу, сестрёнку,
Собой заслонил.

Но тут улыбнулся
Высокий солдат,
И ласково он
Посмотрел на ребят.

Свернул папироску боец,
Закурил.

— Как звать тебя? —
Он у Иль Эя спросил.

— Иль Эй! —
Улыбнулся солдат про себя:
«Иль Эй — по-корейски,
По-русски — Илья!»

И, глядя на худеньких,
Бледных ребят:
— Прислал меня Сталин! —
Сказал им солдат. —
Чтоб выгнать японцев
С корейской земли,
Чтоб все хваденмины
В долину сошли.

2

Не в горной лачуге,
Прогоркшей в дыму, —
Иль Эй просыпается
В новом доме.

На пёстрой цыновке
Лежит у окна,
А Цу Дза на кухне
Хлопочет одна.

Не надо раскладывать
Наспех костра —
Над газовой плиткой
Склонилась сестра.

Без треска,
Без дыма

Работает газ.
И рисом так вкусно
Запахло сейчас.

Весёлая Цу Дза
Распелась с утра:
— Иль Эй, просыпайся:
Нам в школу пора!

Кладёт на тарелку
И рис и кимчу.
— Вставай поскорее,
Водой окачу!

* * *

Лучами пробив
Предрассветный туман,
С горы Миромбон
Солнце входит в Пхеньян.

Шагают по улице
Брат и сестра.
Шаги ускоряют —
Им в школу пора.

На мальчике — китель
И пуговок ряд,
И пуговики ярко
На солнце горят.

Сестрёнка —
В матроске.
В пути за спиной
Большой воротник
Опустился волной.

Попробуйте шагом
Таких обогнать!
Как трудно Иль Эя
И Цу Дзу узнать!

* * *

Шли годы.
И сын хваденмина Иль Эй
Стал шире в плечах,
Стал сильнее и взрослей.

Он много учился,
Он книги читал,
И стать агрономом
Теперь он мечтал,
Чтоб краше
Родная Корея цвела.

А Цу Дза?
А Цу Дза совсем подросла.

Танцует она.
И кто видел хоть раз,
Как Цу Дза,
Земли не касаясь,
Кружась,
Пускается в танец,
Как будто в полёт,
Тот в памяти танец
С собой унесёт.

3

— Чей дом?

— Мой! —

Ответил сурово Иль Эй.

— Был твой,
 станет мой.

Выметайся, о'кей!

Сжимая в тяжёлой руке
Автомат,
Стоял на пороге
Заморский солдат.

Стоял, как грабитель,
Стоял, словно вор.
И трогали пальцы
Холодный затвор.

Увидевши Цу Дзу,
Он крикнул:
— Эй, ты!

А ну-ка, подай мне
Холодной воды!

Но Цу Дза ни с места.
Немного бледна,
Глядит на солдата
С презреньем она.

— Ах, так! Не желаешь ты
С места вставать?
Так будешь сейчас
У меня танцевать!

— Танцуй! — крикнул
 яростно

Рыжий солдат
И вскинул,
Навёл на неё автомат.

Иль Эй было кинулся
К Цу Дзе бегом,
Но янки мальчишку
Отбросил пинком.

— Танцуй! —
Словно выстрел,

Звучали слова,
А Цу Дза сидит
Ни жива ни мертва.

Кто видел, как Цу Дза
Танцует, хоть раз,
Не сможет забыть
Её радостных глаз.

Кто видел, как девочка
В танце плывёт,
Тот в памяти танец
С собой унесёт.

Попросят соседи,
Попросят друзья —
И Цу Дза танцует,
По кругу скользя.

Пусть вражья команда
Сурова,
Грозна,
Но только не сдвинется
С места она.

— Танцуй! —
Подошёл к ней солдат,
Как гроза.
Но плюнула Цу Дза
Солдату в глаза.

Солдат онемел,
Покачнулся назад,
И вдруг
Задрожал,
Загремел автомат.
И Цу Дза поникла...
Упала без слов.
Цыновку окрасила
Кровь...

Иль Эй, не дыша,
На коленях стоит
И тихо сестру
За плечо теребит.

— Эй, Цу Дза, очнись!
Нету изверга тут... —
Но больше глаза
Никогда не сверкнут.

Подружек она
Не окликнет своих,
И смех её звонкий
Навечно затих...

И стиснул Иль Эй
Что есть сил кулаки

И вытер слезу
Рукавом со щеки.

Он встал
И пошёл, не дыша, на носках
И бережно Цу Дзу
Понёс на руках.

* * *

А ночью, когда,
Погружённый во тьму,
Спал город
И янки храпели в дому,
Подкрался Иль Эй,
Дверь закрыл на засов,
Принёс десять рисовых
Лёгких снопов,

И, дом обложив,
Прошептал паренёк:
— Пусть янки погибнут!.. —
И спичку зажжёт.

4

Всё твёрже,
Всё громче
Корейцев шаги, —
Шагают на юг
Ким Ир Сена полки.

А рядом с корейцем —
Китайский солдат,
Как верный товарищ,
Как любящий брат.

И смотрит сквозь выюгу
Разгневанный друг:
— Эй, янки, с дороги!
К победе!
На юг!

Под ветром штыки
Боевые гудят.
Идёт по дороге
Знакомый солдат.

Он ростом, наверное,
Ниже других.
Лицом он моложе
Друзей боевых.

Парнишке немного
Шинель велика,
Но крепко винтовку
Сжимает рука.

Всмотритесь в лицо его —
Это Иль Эй.
В горячих сражениях
Стал он взрослей.

Нахмурены брови
И смел его взгляд.

Глаза из-под шапки
Солдатской горят.

Пусть долог поход —
Не отстанет Иль Эй
В зелёной
В корейской
Шинели своей.

Пусть бьют пулемёты —
Иль Эй впереди,
И орден героя
Горит на груди.

А если в бою,
Где штыки наголо,
Придётся Иль Эю
Совсем тяжело,

То вспомнит тогда
Черноглазый Иль Эй
О Цу Дзе,
О младшей сестрёнке
своей.

И ненависть к янки
Вдруг сердце сожмёт,
Сквозь сжатые губы
Прорвётся:
— Вперёд!..
Вперёд, сын Кореи!
Вперёд, мой герой!
Все честные люди
Сегодня с тобой.

А солнце над морем
Печёт горячей.
Шаги ускоряет
Бесстрашный Иль Эй.

Идёт он с боями,
В дыму и в огне
Навстречу победе,
Навстречу весне!

А. МУСАТОВ

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

ТРУДОВАЯ ПЯТЁРКА

Дима Торопов и Петя Новожилов жили по соседству, учились в одном классе, но большой дружбы между ними не было. Вечно они спорили, опережали друг друга, а порой даже и ссорились.

Бывало Петя нарисует заголовок для стенгазеты, а Дима взглянет на него мельком и фыркнет: «Мазня!» А через день другой приносит в класс свой заголовок, да такой, что засмотришься.

Или сделает Петя новые санки для катания с горы, а Дима смастерит ещё лучше — руль сделает, вместо деревянных полозьев коньки поставит.

С приближением весны Дима Торопов увлёкся наблюдениями природы. Как-то рано утром он прибежал в живой уголок и закричал так, словно в школе начался пожар: «Грачи прилетели! Грачи!»

Все, кто был в живом уголке, не одеваюсь, бросились на улицу.

Белоносые грачи уже кружились над берёзами, присматривались к старым гнёздам и громко о чём-то кричали. Гали-

на Никитична сказала Диме, чтобы он описал появление грачей. В этот же день на доске наблюдений природы, что висела в школьном зале, появилась запись: «Прилетели грачи. Донесение Димы Торопова».

А через трое суток на доске наблюдений природы появилась новая запись: «Началось движение сока у берёзы. Донесение Пети Новожилова». И тут же висела бутылочка с мутной жидкостью.

Диме это не понравилось, и он громко заявил, что в бутылочке не берёзовый сок, а обыкновенная вода из колодца. Обиженный Петя позвал в свидетели Галину Никитичну, вожакого звена Серёжу Камушкина и угостил их жидкостью из бутылочки. Сок был признан единодушно берёзовым.

Посрамлённый Дима не спал целую ночь. На другой день появилось его донесение о прилёте жаворонков, а ещё через несколько дней он принёс в живой уголок нахохлившегося, большеротого скворца.

— Только что прилетел, — сообщил Дима. — Хотел в скворешню влезть и свалился. Устал, наверное, с дальней дороги.

Петя вызвался помочь Диме лечить скворца, но Дима сказал, что он справится один. После этого мальчики долго не разговаривали.

Учился Дима неплохо, но с арифметикой дело у него не ладилось. С наступлением весны Дима стал хуже готовить домашние уроки и вскоре получил двойку по арифметике, потом вторую.

Пионеры вызвали его на сбор звена. Вожакий Серёжа Камушкин строго спросил, почему Дима стал лениться.

— Я не ленюсь, — начал оправдываться Дима. — У меня память слабая. Вечером заучу урок, а к утру всё забуду.

— Вот и неправда! — сказал Петя. — Дима плохо учит уроки. Вернётся из школы, пообедает наспех и бежит на речку доски из воды вылавливать: «линкор» собирается строить.

— Не твоё дело! — буркнул Дима, кинул на Петю сердитый взгляд, но решил не сдаваться.

— А если у нас в доме заниматься нельзя... печка дымит... Глаза щиплет, и угораю я часто...

— Старо! — фыркнул Петя. — Про печку мы третий раз слышим...

Все засмеялись, а Серёжа Камушкин вдруг решительно поднялся из-за парты и потянул Диму за руку:

— Пойдём в правление... Поговорим насчёт вашей печки.

Но Дима никуда не пошёл. Он только покраснел ещё больше и сказал, что печка у них дымит не так уж сильно.

Теперь вместе со всеми засмеялся и Серёжа. А посмеявшись, спросил:

— Кто у нас лучше всех по арифметике учится?

Ребята назвали Петю Новожилова.

— Вот я и думаю, — сказал Серёжа. — Пусть Петя и поможет Диме.

Петя испугался и замахал руками:

— Что вы!.. Димка, он такой... он и слушать меня не захочет.

— Послушает... он же пионер! — сказал Серёжа. — Мы всем звеном за вами следовать будем.

Петя подумал и согласился.

— Только, чур, не обижаться, — предупредил он Диму. — Я тебе покоя не дам.

После этого сбора мальчики стали вместе учить домашние уроки. Были дни, когда Дима сразу же после занятий исчезал неизвестно куда. Но Петя знал, где его надо разыскивать. Он шёл в колхозный клуб, в кузницу или на речку, где Дима ловил рыбу, приводил его к себе домой и усаживал за стол.

— Что ты мне свой режим дня диктуешь? — обижался Дима. — Отдохнуть не даёшь!

— Сиди, сиди! Пока все задачки не решишь, никуда тебя не выпущу! — прикрикивал на него Петя.

Наконец в табеле у Димы стали появляться тройки по арифметике.

Но ребятам очень хотелось, чтобы все пионеры второго звена закончили учебный год только на четвёрки и пятёрки.

Петя усиленно занимался с Димой. Однажды они засиделись до позднего вечера. Петя несколько раз «вызывал Диму к доске», хотя никакой доски в доме не было, и заставлял его вслух решать задачки.

Только после этого он согласился отпустить товарища домой.

— Завтра четвёрка обеспечена, — сказал Петя на прощанье. — Только бы тебя Галина Никитична спросила.

На уроке Дима то и дело поднимал руку, порываясь выйти к доске. Но Галина Никитична как будто ничего не замечала.

Петя с Серёжей переглядывались и беспокойно ёрзали на парте. Им очень хотелось, чтобы Диму спросили именно сегодня.

Наконец учительница вызвала мальчика. Тот без запинки решил задачу и бойко ответил на несколько вопросов.

Галина Никитична улыбнулась, но от доски Диму не отпустила и продиктовала ему новую задачу. Улучив момент, Дима обернулся лицом к классу. Видно было, что он немного растерялся; все ребята, как

один, в упор смотрели на него. «Ты же можешь, Дима! Можешь, — казалось, говорили взгляды товарищей. — Ну, постарайся, сделай...»

Дима вздрогнул и перевёл взгляд на доску. Маленький, коренастый, он крепко сжал мелок и широко расставил ноги, словно ему предстояла трудная схватка.

Задача действительно попала нелегкая. Надо было помнить не только то, что выучил вчера, но и то, что проходили неделю тому назад, и месяц, и два.

Диме стало жарко. Он громко стучал мелком. Тряпка выпала у него из рук, и он стирал неверно написанные цифры прямо ладонью.

Галина Никитична видела это, но не сделала Диме ни одного замечания. Она внимательно следила за ходом его рассуждений и вглядывалась в чёрное поле доски, где пока ещё царили суматоха и беспорядок. Но вот мало-помалу цифры начали занимать положенные им места, всё лишнее убралось.

— Кончил! — наконец объявил Дима и, дописывая последнюю цифру, так сильно нажал на мелок, что тот рассыпался на мелкие кусочки.

— Хорошо кончил! — сказала Галина Никитична. — Рада за тебя, Дима! И за товарищей, которые тебе помогают, тоже рада. Садись! Ставлю тебе вполне заслуженную пятёрку!

Класс облегчённо вздохнул. После звонка ребята окружили Димину парту. Мальчика хлопали по спине, пожимали ему руки.

— Молодец, Дима, не подкачал!

— Трудовая пятёрочка, ничего не скажешь!

Из школы Дима и Петя шли вместе. Около речки Дима потянул товарища за руку:

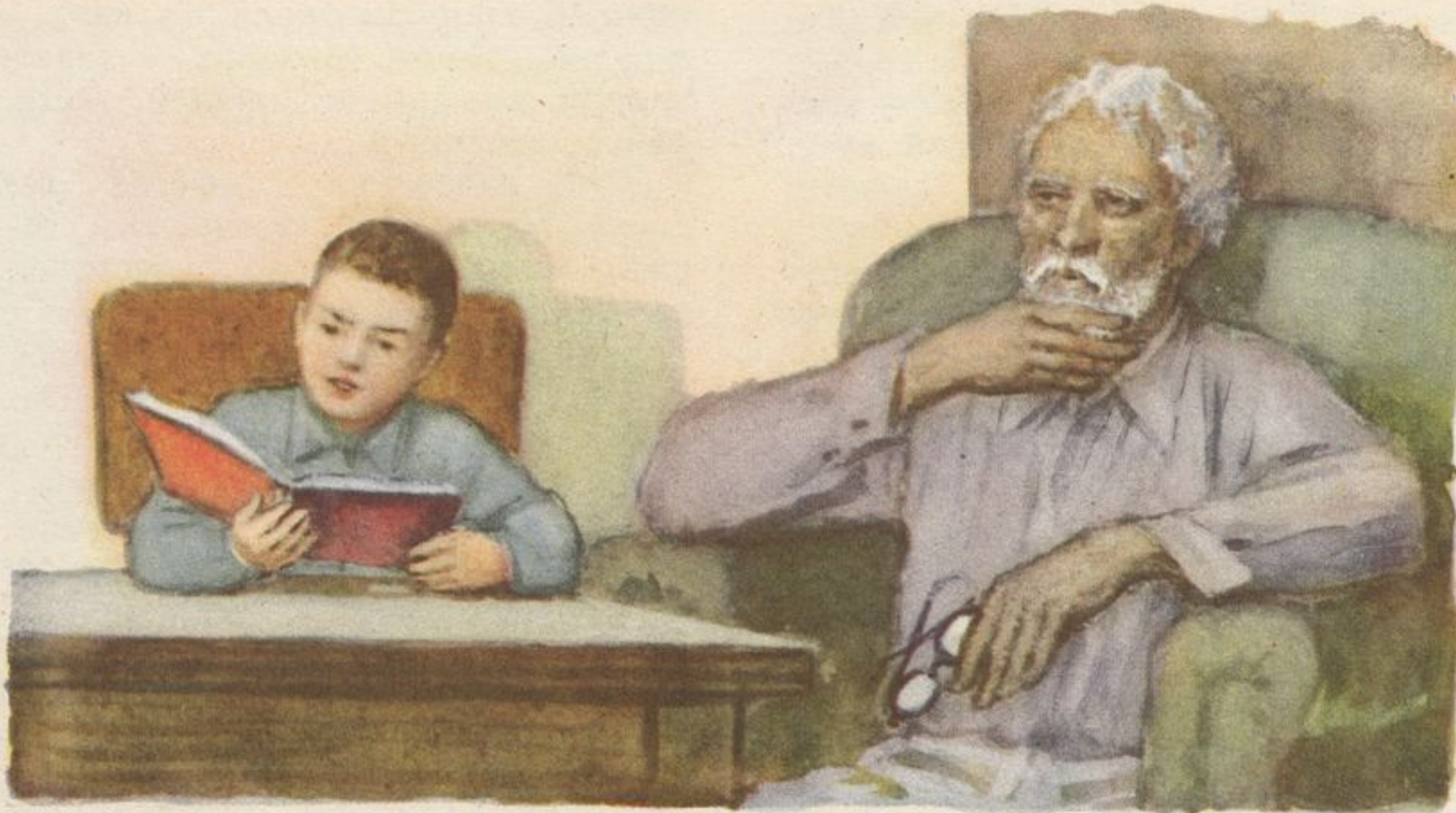
— Пойдём, чего покажу.

Мальчики пробрались через заводы. На берегу лежала куча досок и брёвен.

— Это я из реки выловил для плота, — признался Дима и, помявшись, предложил: — А давай вместе строить?

— Давай! — согласился Петя. — А как мы наш «линкор» назовём? «Смелый»? «Боевой»?

— Лучше «Дружный», — сказал Дима.

ЕЛЕНА БЛАГИНИНА

Рис. А. БРЕЯ

АЛЁША ЧИТАЕТ ВСЛУХ

Алёше подарили книжку с картинками. Читать Алёша не умел. Зато дедушка читал очень хорошо. Хоть буквы в книжке были крупные, но дедушка надевал очки. Потом он садился поближе к свету.

— «Жили-были дед да баба. У них была курочка ряба», — читал дедушка.

Кончалась эта сказка, начиналась другая — про колобок. Потом про петушка и лисицу. Скоро Алёша знал всю книжку наизусть.

Тогда дедушка пошёл в библиотеку и принёс оттуда толстую книжку. Она называлась «Что я видел».

Эту книжку дедушка и внук читали долго — всю зиму. Алёше нравилось, что в книжке написано про всякие машины: Алёша любил машины.

Бывало дедушка уморится, спать захочет, а внук всё пристаёт:

— Ещё! Ещё!

И обеими руками поворачивает голову деда к книжке.

Однажды дедушка принёс из магазина кусочки картона. На картон были наклеены крупные чёрные буквы. Алёша буквы знал, но не умел составлять из них слова. А с этими картонками он быстро научился составлять слова. Скоро он мог читать:

— Ма-ма. Ма-ша. Ка-ша.

Прошло немного времени, и Алёша составил:

— Мо-сква. Ро-ди-на. Ста-лин.

Алёша радовался, когда у него получились эти слова.

Потом Алёша пошёл в школу. В школе он научился писать палочки и крючочки. Из этих палочек и крючочков у Алёши стали получаться буквы, а из букв — разные слова. Он научился писать.

Алёша рос, а дедушка старился. Теперь ему не помогали и очки — плохо стал дедушка видеть. Скучно ему. Особенно зимой — вечера тихие, длинные.

Вот как-то выучил Алёша уроки, сложил в сумку тетради, и книжки, и пенал. Потом придвинул поближе лампу и раскрыл книжку.

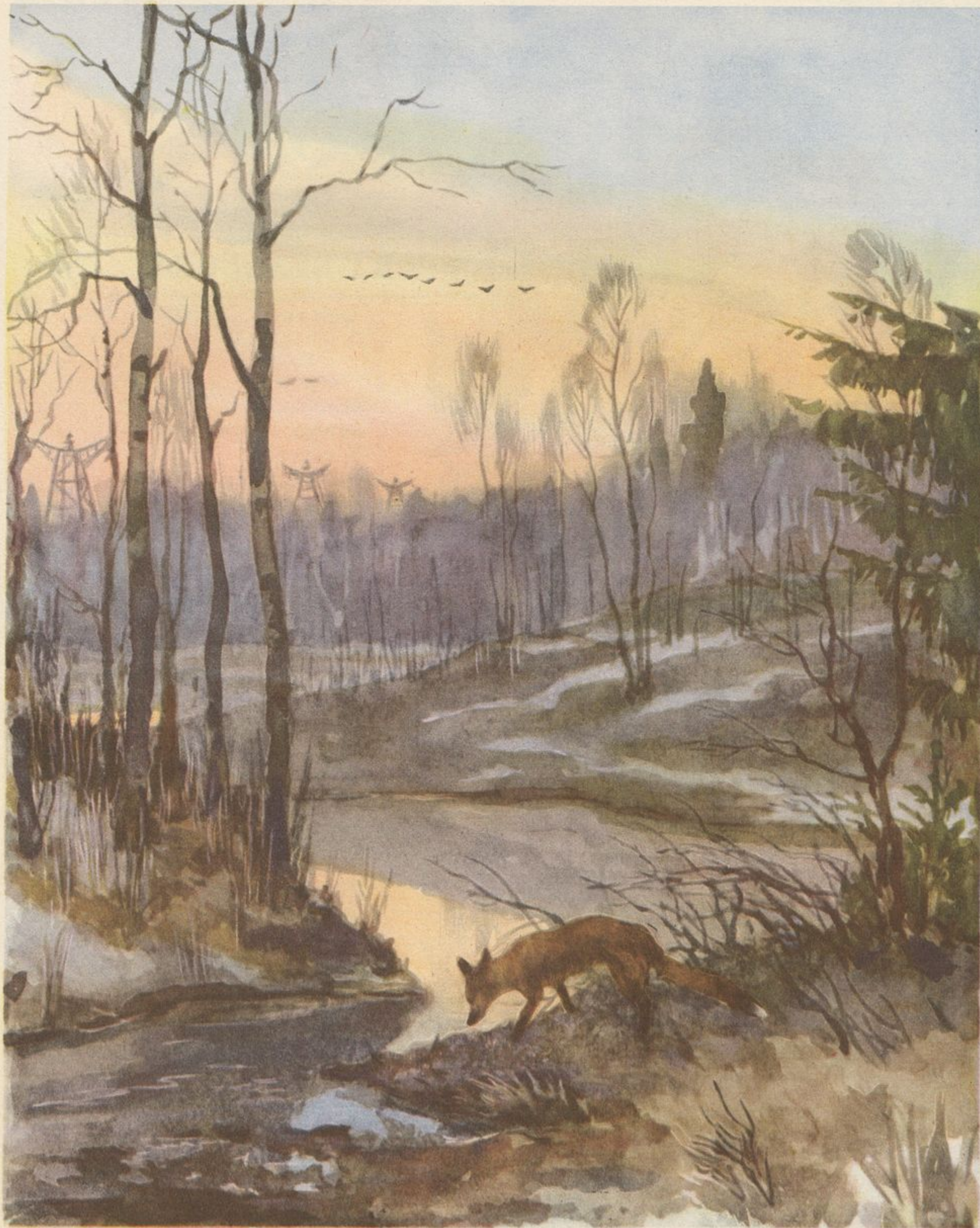
— «Алексей Толстой», — прочёл Алёша. — «Золотой ключик или приключения Буратино».

В это время дедушка заворочался на кровати.

— Дедушка! — сказал Алёша. — Давай я тебе почитаю про золотой ключик.

— Почитай, — обрадовался дедушка.

С тех пор дедушка не скучал по вечерам. Алёша читал ему вслух, а дедушка слушал, глядел на Алёшу — наглядеться не мог: «Ай да Алёша — хороший внук!»

Весной в лесу.

СОРОКА-БЕЛОБОКА

Сказка

У сороки-белобоки пятеро сороченят. У сороки-белобоки все дела идут на лад.

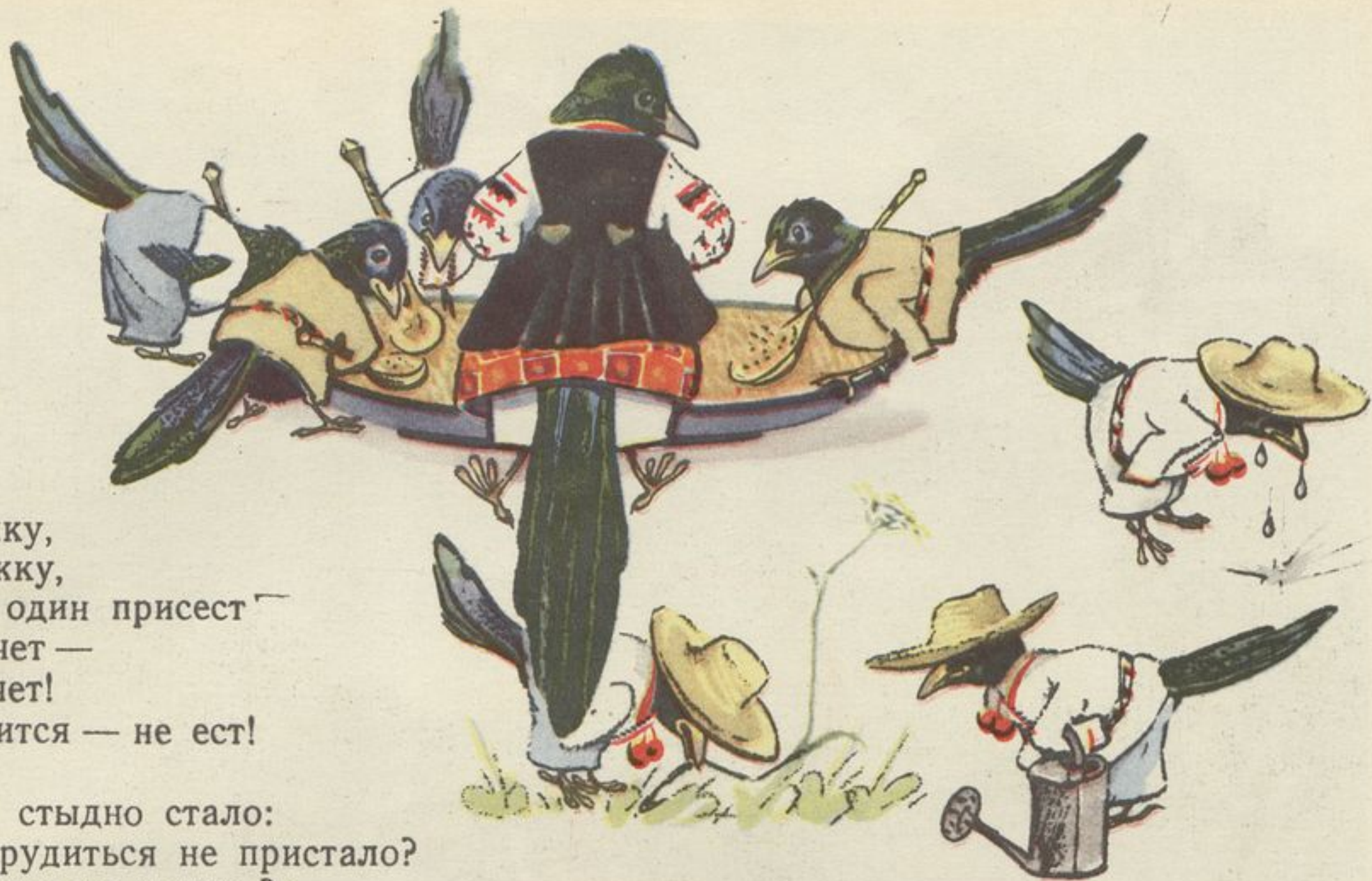
Вот сорока-белобока вылетает из дверей и в светлицу потрудиться созывает малышей.

Самый крепкий тащит щепки; а второй пшено толчёт; третий в чашку цедит бражку; а четвёртый блин печёт.

Только пятый мешковатый — никуда он не спешит, а в садочке, в холодочке лёг на травку и лежит.

А сороке-белобоке до него и дела нет. Деток стайка и хозяйка сели дружно за обед.

Те — за кашку,
те — за бражку,
съели всё в один присест —
Лодырь плачет —
пусть поплачет!
Кто не трудится — не ест!

И меньшому стыдно стало:
— Мне ль трудиться не пристало?
— Я ли в дело не гожусь?
Мне охота
поработать —
вместе с вами потружусь!

Вот он в поле,
вот он полет,
словно братцы-молодцы,
к огороду
носит воду,
поливает огурцы.

Вот на вишне,
что всех выше,
он работой увлечён,
для братишек-
ребятишек
вишенки собирает он.

И сорока-
белобочка
не нахвалится сейчас:
— Любят братцы
постараться,
а лентяев нет у нас!

Ребята! Помогите Буратино найти золотой ключик.

ГРЯДКА

Я давно весну ждала,
У меня свои дела:
Мне участок в огороде
Нынче мама отвела.

Я возьму свою лопатку,
Я пойду вскопаю грядку.
Мягкой грядка быть должна —
Это любят семена.

Я на грядке терпеливо
Все комочки разобью,
Рыхлой, крепкой и красивой
Грядку сделаю свою.
Посажу на ней редиску
И морковку,
а с боков
Будут кустики бобов.

Рис. В. ТРОФИМОВА

ПЛАТОН ВОРОНЬКО

ЖУРАВЕЛЬ

Облетел журавель
Сто морей, сто земель.
Облетел, обходил,
Свои крылья натрудил.
Мы спросили журавля:
— Где же лучшая земля?
Журавель нам дал ответ:
— Краше, чем родная, нет!

Перевод с украинского.

Обложка Н. Обрыньбы «Здесь будет Каховская ГЭС».

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, В. БЕЛЯКОВ, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК,
Е. МАРТЬЯНОВА, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Художественный редактор Н. Попов

Рукописи не возвращаются

Технич. редактор З. Тышкевич

Год издания двадцать седьмой

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Суцёвская ул., 21.
2,8 уч.-изд. л.

Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06

Бумага 60×92¹/₂ = 1,5 бум. л. = 3 печ. л.

Подписано к печати 9/III 1951 г.

Тираж 250 000 экз.

А01172

Заказ 318.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Суцёвская, 21.

